

Другая Вера

Автор:

Мария Метлицкая

Другая Вера

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Что в реальной жизни, не в сказке может превратить Золушку в Принцессу? Как ни банально, то же, что и в сказке: встреча с Принцем.

Вера росла любимой внучкой и дочкой. В их старом доме в Малаховке всегда царили любовь и радость.

Все закончилось в один миг – страшная авария унесла жизни родителей, потом не стало деда.

И вот – счастье. Роберт Красовский, красавец, интеллеktуал стал Вериной первой любовью, первым мужчиной, отцом ее единственного сына.

Но это в сказке с появлением Принца Золушка сразу становится Принцессой. В жизни часто бывает, что Принц не может сделать Золушку счастливой по-настоящему.

У Красовского не получилось стать для Веры Принцем.

И прошло еще много лет, прежде чем появилась другая Вера – по-настоящему счастливая женщина, купающаяся в любви второго мужа, который боготворит ее, готов ради нее на любые безумства.

Но забыть молодость, первый брак, первую любовь – невысказано. Ведь было счастье, пусть и недолгое.

И, кто знает, не будь той глупой, горячей, безрассудной любви, может, не было бы и второй – глубокой, настоящей. Другой.

Мария Метлицкая

Другая Вера

© Метлицкая М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

С погодой не повезло. А Вера так надеялась, что жара даст передышку. Хотя бы в этот день. Но нет. Солнце по-прежнему шпарило, перепутав начало июня с серединой июля. «Все изменилось: и климат, и мы...» – подумала она и отошла от окна.

А оторваться от такой красоты было сложно – накануне под окном ее спальни пышным, кипенно-белым, как долгожданное свадебное платье купчихи или гигантский, точно для великана, торт из зефира, белым сугробом взорвался высоченный и пышнейший куст чубушника, и его запах, сладкий и нежный, разливался по всей территории усадьбы. И сосны, сосны! Ее любимые красноствольные красавицы! Не обычные, высокие, с голым стволом, улетающим в небо, – хотя и такие на участке имелись, – а не слишком высокие, разлапистые, с широкой раскидистой кроной, настоящие крымские, привезенные из питомника. Предупреждали, что эти красотки могут не прижиться. Но прижились и радовали хозяйку, напоминая о когда-то любимом крымском побережье – Коктебель, маленький сын и муж, бывший муж. Сколько они копили на эту поездку? Кажется, больше года. Отказывали себе во всем – точнее, страстно мечтая о море, во всем себе отказывала именно она, Вера. Но все равно ничего бы не получилось, если бы не последний привет из прошлой жизни – золотые часики на потертом кожаном браслете, увесистые, для крупной женской руки.

Кажется, тетки Раечки. Последняя память. Вера долго не могла решиться их продать. Но в конце концов пришлось. Сердце разрывалось при виде бледного, вечно сопливого Вадика. «Море вам не-об-хо-ди-мо, – по слогам, четко, как телевизионная дикторша, произнесла участковая врач в крупных, качающихся, словно маятники, серьгах из темного янтаря. – Иначе из соплей вам не вылезти!» И часики отправились в скупку.

Вера утонула в воспоминаниях. Перед глазами всплыла цветная картинка: загорелая узкая спинка сына, копающегося в песке, поджарый силуэт мужа у кромки воды и она сама, перебирающая сквозь пальцы песок в надежде найти осколок бледно-розового сердолика, – по легендам, именно там, в Коктебеле, его было полно. Но не нашла. Да разве в этом дело? Так, легкий вздох и легкое разочарование, но в остальном все было прекрасно. Сын, муж, море и теплый песок. И все это называлось счастьем.

И наплевать, что жили они в крохотной каморке под лестницей, где по ночам, невзирая на открытую фанерную дверь, было невыносимо душно. И наплевать, что с улицы тянуло подкисшей помойкой и что считали они не рубль, а каждый гривенник и брали в столовой одну котлету на двоих, правда с двумя гарнирами.

И Вера не обращала внимания на свои обгоревшие и страшно зудящие плечи, которые муж мазал ей на ночь дефицитным кефиром, – и без того душную комнату наполнял еще и запах молочной кислоты.

На раскладушке, в десяти, не больше, сантиметрах от их скрипучей односпальной пружинной кровати спал сын – спокойным и безмятежным сном счастливого и здорового ребенка. А рядом – рядом спал муж. Нет не так, не рядом – какое там «рядом» на этой-то площади в шестьдесят сантиметров? Это было не «рядом», а вместе, сплетясь, как лианы, как змеи, клубок из двух змей, как корни дерева, – иначе никак, не удержишься и упадешь.

Коктебель... Вера вздохнула. Миллион лет до нашей эры – вот когда был тот Коктебель. И маленький сын, и ощущение полного и безграничного счастья. И молодость, молодость. Все – безвозвратно. Она нахмурилась и разозлилась: «Куда меня понесло? И вообще – при чем тут все это?» Она присела на кровать. «Так, соберись! – строго приказала самой себе. – Сегодня у тебя тяжелый день. Прекрасный, важный, но безусловно тяжелый».

Кстати, в Коктебель она больше не ездила. Никогда.

По несчастью или к счастью, истина проста – никогда не возвращайся в прежние места.

Даже если пепелище выглядит вполне, не найти того, что ищем, – ни тебе, ни мне[1 - Г. Шпаликов.].

Впрочем, она и не искала. Искать было нечего.

* * *

Итак, почти две недели стояла дикая, аномальная, как ее назвали, не свойственная июню жара. Сегодня, вернее еще вчера, она чуть-чуть спала, но все равно с самого утра было душно, не спасали ни сад, ни лес, ни маленький искусственный прудик с желтыми кувшинками и белыми лилиями – давнишняя Верина мечта.

Нет, конечно же, в доме были кондиционеры, современнейшая и дорогущая система – муж не экономил на серьезной технике. Но спать с кондиционером Вера не любила, считая, что жить за городом и спать со сплит-системой – полная глупость. За городом надо спать с открытым окном, чтобы слышать шум сада и леса, дышать ароматом цветов и просыпаться по утрам от звонкого птичьего пения.

Муж посмеивался над ней и экспериментов в жару не ставил – включал технику и мерно похрапывал. Разногласий на эту тему, слава богу, не происходило. Стрельцовы, как люди разумные и не очень молодые, заселившись в усадьбу, завели отдельные спальни, благо места было достаточно. На своем комфорте они не сэкономили.

Да и сам дом из оцилиндрованного финского бревна был прохладным летом и теплым зимой. Строили они его сами, никаких «под ключ или под отделку» – фигурки вам! Не надо нам подводных камней и чужих ошибок. Геннадий Павлович ко всему относился серьезно. А уж к покупке дома, в котором Стрельцовы собирались встретить спокойную и уверенную старость и растить внуков, – тем более.

В душе Вера боялась окончательного переезда из города, хоть и родилась и выросла за городом. И всячески, любыми способами оттягивала отъезд – капризничала, спорила с мужем, в общем, вела себя «не как всегда». Словом, тянула, надеясь. На что – непонятно! Знала ведь: если уж муж что-то решил, он вряд ли отступится. Предложений было не просто много, а немыслимо много. Рынок загородной недвижимости рос, рос и вдруг встал как вкопанный – рубль падал, доллар взлетал, продать было сложно, а купить, наоборот, очень просто. Но только не Стрельцовым.

К покупке земли под имение – а именно так шутливо называл Геннадий Павлович их будущее жилище – они отнеслись серьезно. Учитывалось многое: близость от Москвы и в то же время тишина, и обязательно, чтобы лес рядом – природу Вера Андреевна обожала. Инфраструктура опять же. Качество народонаселения – шутка мужа. К соседям предъявлялись довольно высокие требования: никаких «новых русских», нуворишей с их дурновкусием и тягой к понтам.

И не деревня – ни-ни! Там свои «прелести». Только стародачный поселок с остатками интеллигенции и со своими традициями. Хотя и в таких поселках давно сменился контингент. Но старожилы еще оставались.

Река – как говорила Вера Андреевна, «течность» – тоже входила в список обязательных требований. В подмосковных водоемах они, конечно, не купались, предпочитали море. Но посидеть на берегу подмосковной реки, послушать пение соловья, полюбоваться красотами любили.

Ну и чтобы сам участок был не менее пятидесяти соток. Только так можно чувствовать себя защищенными от соседских глаз и соседских же воплей.

А еще поселок должен был непременно стоять под охраной.

Искали долго. Два шустрого агента, похожие между собой, как братья-близнецы, Саша и Паша, веером, словно карты из колоды, раскладывали перед Стрельцовыми всевозможные варианты. Но те капризничали – все время что-то было не так. Агенты злились, раздражались, но за клиентов держались крепко – и по машине, и по внешнему виду, и по адресу в Москве, где проживали Стрельцовы, было понятно, что надо терпеть, такими клиентами не бросаются.

Да и людьми они были приятными – и остроумный весельчак Геннадий Павлович, обожавший – это бросалось в глаза – свою ненаглядную Верушу, и сама Вера, Вера Андреевна, милая, спокойная, рассудительная и все еще очень красивая женщина.

Что говорить, чудесная пара. Всем бы так жить, с таким отношением друг к другу и таким достатком.

Наконец участок был найден, и Саша-Паша облегченно выдохнули – уф, угодили! Наконец угодили! Это был стародачный, тихий и уютный поселок, стоящий чуть на пригорке, откуда открывался невероятный, сказочный вид на реку и поле.

Продавала участок вдова сына хозяев – ни самих хозяев, ученых-химиков, ни их непутового сына на свете уже не было. Старики умерли от старости, а вот их единственный сын оказался никчемным пьяницей, бедой и горем родителей. Да и по пропитому и изношенному, хотя и со следами былой красоты, лицу хозяйки, Регины, было понятно все и сразу – та тоже от мужа не отставала. На вид лет ей можно было дать шестьдесят. Увидев ее паспорт, Стрельцовы удивленно переглянулись – ей всего-то исполнилось сорок пять.

Детей у Регины не было. Жила она в квартире умерших свекров с видом на Москву-реку и фабрику «Красный Октябрь», бывшее «Товарищество Эйнем». В квартире пахло лежалым тряпьем, столетней грязью и крепко устоявшимся перегаром. Геннадий Павлович брезгливо поморщился, распахнул окно, и в него тут же влетел запах ванили и шоколада.

– А у вас тут, оказывается, сладкая жизнь, – задумчиво произнес Геннадий Павлович, выглядывая во двор.

– Да ну, – вяло отмахнулась поддатая хозяйка. – Какое там сладкая!

Сделка пару раз срывалась из-за Регининых запоев, и Вера Андреевна страшно нервничала.

Но бог троицу любит, и наконец участок со старым полуразрушенным домом стал их собственностью. Стрельцовы были счастливы.

В тот же день, после окончания сделки у нотариуса, поехали в имение.

Машину вел сам Геннадий Павлович, шофера Виталика отпустили, в тот волнительный день посторонние были им не нужны, семейная радость – вещь крайне интимная. Взволнованные, ехали молча, без разговоров. Заморосил мелкий дождик, но впечатления это не испортило, а даже наоборот, придало какой-то уюта и тепла, сразу представились тихие семейные вечера, чаепития, приглушенная музыка. И все это, дорогое и бесконечно любимое, под умиротворяющий нежный звук подмосковного дождика. Доехали, остановились. Геннадий Павлович, как всегда, открыл дверцу и подал руку жене. Оглядываясь, Вера выбралась из машины. Стрельцов осторожно толкнул черную, разбухшую от старости калитку, и они зашли на участок – впервые уже на свой, собственный.

Стоял немного дождливый, но теплый октябрь, под ногами лежала влажная, густая, мягкая листва. Пахло сырой травой и прелью, грибами, костром и дымком, струящимся с соседнего участка. С веток падали тяжелые капли дождя. Было сыро, но довольно тепло.

По узкой заросшей тропинке, держась за руки, Стрельцовы прошли к дому. На ржавую дверную ручку был накинута замка – заходи и бери чего хочешь. Впрочем, брать там было нечего – Регина все давно пропила.

Осторожно, словно боясь кого-то потревожить, они зашли в дом. Вера Андреевна поморщилась – сильно пахло плесенью и мышами. В комнате с разрушенной голландской печкой валялись тут и там какие-то тряпки, остатки круп, пустые банки из-под консервов, шарфы и кофты, изъеденные мышами и молью, остатки раскрошенных дров, кучки дохлых мух и ос. На окнах болтались оборванные, выцветшие сатиновые шторы. На столе стояли чашка с отколотым боком и закопченная, мятая кастрюлька. Довершали невеселую картину стул на трех ногах, прислоненный к закопченной стене, комодик с треснутым стеклом и вещи, валявшиеся на диване.

Геннадий Павлович бросил свою ветровку на продавленный диван, прикрытый залоснившимся одеялом с нагло выпирающей клочковатой и пожелтевшей ватой.

– Присядь, Веруша, Отдохни.

Вера брезгливо присела на край.

Молчали. Разговаривать не хотелось.

А ведь когда-то здесь был дом. И была радость. Наверняка была радость: маленький сын, надежда родителей, трехколесный велосипедик, панамка от солнца, песочница под березой. Теплый хлеб и сладкий компот из малины и вся семья за столом. Чаепития по вечерам, беседы с соседями. Патефон с пластинками Шульженко и Утесова. А потом... Потом все закончилось. Мальчик вырос, надежд не оправдал. Привел эту чертову девку Регину, ну и... Старики медленно чахли, захлебываясь в своем горе. А эти тонули в водке и пропивали все, что можно пропить.

– Чужая жизнь, – нарушила молчание Вера Андреевна, почувствовав странное разочарование и печаль. – Ужас, да? – Она подняла глаза на мужа.

Геннадий Павлович вздрогнул, нахмурился и кивнул.

– Все так, Веруша. Ты правильно сказала: чужая жизнь. Что нам до нее? У нас же радость, правда? А дом этот, – он обвел глазами комнату, – надо бы поскорее снести, как не было. И все испарится, улетучится. Вся печаль и тоска. Снести вместе с его радостями, бедами, слезами и воспоминаниями. Говорят, дома – живые организмы и все хранят в памяти. – Геннадий Павлович улыбнулся. – Лично я в это не верю. А ты?

Вера вздрогнула, вспомнив другой дом, проданный ею сто лет назад:

– Я не знаю. И, честно говоря, знать не хочу.

Стрельцов все тут же понял и широко улыбнулся:

– Да бог с ними, с домами, Веруша!

– Ты прав. – Вера тяжело поднялась с дивана. – Поехали, Гена! И вправду тоска. Пахнет здесь как-то... Горем пахнет, несчастьем. Идем поскорее!

Даже не обойдя участок, они быстро пошли к машине. По дороге молчали, разговаривать по-прежнему не хотелось.

Вера Андреевна думала о том, что, скорее всего, зря они купили старый участок с чужим домом – здесь своя аура, и вряд ли от этого можно избавиться. Покупать нужно было новый участок, без прошлого, а то лезет всякая чушь в голову.

Вера Андреевна достала из сумочки таблетку. Головными болями она страдала всю жизнь. Муж бросил короткий взгляд и сочувственно поморщился:

– Что, начинается?

Вера молча кивнула и отвернулась к окну.

До дома доехали быстро, даже задремать не успела. Под душ и сразу в кровать. Таблетка и сон – вот спасение.

Быстро улеглась и уже сквозь сон услышала, как муж принес стакан крепкого сладкого чаю, – знал, что при начавшейся мигрени иногда помогает. Осторожно поставил на тумбочку и на цыпочках вышел.

«Геночка, – с нежностью подумала она, – мой ты родной! И еще – очень любимый».

Это был очень счастливый брак, каких единицы. Вера Андреевна это понимала прекрасно и знала, как ей повезло. И еще очень это ценила.

* * *

Геннадий Павлович был человеком не только слова, но и дела, и уже через неделю на вновь купленном участке не осталось и следа от старого, наводившего тоску и печаль дома прежних владельцев. Все снесли и вывезли подчистую, как не было. А через пару месяцев стоял новый фундамент. Строительство дома намечалось на май – зимой умные люди дома не строят, ждут тепла, а Геннадий Павлович Стрельцов был определенно человеком умным, с этим не поспоришь.

Когда в марте Вера Андреевна приехала в имение, от прошлого ощущения не осталось и следа – стояло яркое солнечное утро, звенела капель и яростно распевали птицы. Солнце освещало потемневшие от влаги стволы берез; почти растаявшие, а уже осевшие и потемневшие снежные прогалины оставались только под темными густыми елками, но кое-где – чудеса! – пробивалась молодая травка. А главное – запахи: оглушительно, как бывает только за городом, пахло свежестью и весной.

Под натянутым брезентовым тентом были аккуратно сложены строительные материалы. По участку носились молодые мужчины в спецодежде – строители. Никаких шарашек и шабашек – серьезная фирма для солидных людей. Это был жизненный принцип Стрельцова: каждый отвечает за то, что умеет. И надо сказать, этот принцип работал.

Вера с благодарностью посмотрела на мужа, сердце сладко заняло от благодарности. Как же ей повезло!

Нет, она и сама ого-го, умница и красавица, скромно признавалась себе она, глядя в зеркало. Но красавиц и умниц море. А повезло именно ей. Да и повезло на исходе, так сказать, молодости и почти исчезающей женской прелести – когда они встретились со Стрельцовым, Вере было за тридцать, а ее сыну от первого брака девять.

Все, хватит, нечего вспоминать, потому что хорошего вспомнить нечего. Почти нечего.

* * *

Муж построил дом за полгода – в рекордный, как все говорили, срок.

Каждый вечер после тяжелого трудового дня ездил в поселок и следил за работой – лишний контроль, по его мнению, никогда не помешает. И справедливость этого убеждения жизнь подтверждала – многие из тех, кто в девяностые начинал вместе со Стрельцовым, давно канули в Лету: прогорели или, и того хуже, остались с долгами, без квартир и счетов. Многие банально спились. А кое-кого, увы, давно схоронили. А все потому, что расслабились, были уверены в себе и в партнерах, излишне доверяли нанятым менеджерам и

директорам. А почувствовав первые, легко добытые, зачастую шальные деньги, зажили красиво и весело – поездки по заграницам, квартиры на Кипре или в Испании, дорожные автомобили, кабаки и девицы. А сколько разводов случилось тогда. Сколько рассыпалось прекрасных, крепких семей. Сколько страданий и слез принесли эти тучные годы. И им, внезапно и неожиданно разбогатевшим и потерявшим от этого богатства головы, казалось, что так будет всегда. Но – увы.

Геннадий Павлович Стрельцов не расслаблялся – на работе, в офисе, сидел с утра до вечера. И всегда оставался в курсе всех дел. Контролировал всех и каждого, пойманных и замеченных во лжи или в воровстве беспощадно наказывал и тут же, без разговоров, гнал. С бездельниками не церемонился. «Жалость в бизнесе неуместна», – повторял он, кажется, убеждая в первую очередь в этом себя.

Вера в дела мужа не лезла.

Через несколько лет в компании Стрельцова остались только самые проверенные, самые преданные, самые работоспособные, самые настойчивые и самые честные. И компания процветала – выстояла в двух тяжелейших кризисах, когда падали, как подкошенные, колоссы и рушились большие финансовые империи.

Деньги Стрельцовы почувствовали не сразу – вернее, дали себе волю почувствовать их не сразу. Головы не закружились. Довольно долго жили в Веринной двушке: двадцать восемь метров, четвертый этаж, окнами на Можайку, на трассу – не о чем говорить.

Черную икру не ели, омарами не баловались, дорогих часов и костюмов, а также норковых шуб и бриллиантов не покупали, по ресторанам не хаживали.

Вадик учился в обычной районной школе. Вера Андреевна по-прежнему работала в проектом институте.

Квартиры на Золотой миле, на Кутузовском, купили, когда Вадик оканчивал школу. Купили две на одной лестничной клетке – двухкомнатную в семьдесят метров для сына и четырехкомнатную, в сто двадцать, для себя.

– Чтобы твоей душеньке было спокойно, – смеялся Геннадий Павлович, отдавая Вере ключи от квартиры сына. – Девушки появятся, компании – это нормально. А ты спокойна – он и отдельно, и рядом. Полный контроль!

Квартиру свою они обожали – столько вложили сил и столько денег! Обои заказывали из Италии, мебель из Румынии – на этом настоял муж. Настоящее дерево, традиции обработки и прочее. На века.

Стрельцов вообще любил эти два коротких слова – «на века». И был, наверное, прав, это многое означало.

Ковры привезли из Турции, настоящие, ручной работы, шелковые, с переливом. Шторы из Греции, на заказ. А люстры из Чехии – Вера любила хороший хрусталь.

И вот, спустя десять лет решились перебраться за город – на этом настаивал муж.

Вера любила квартиру на Кутузовском и уезжать насовсем не хотела. Решили так – попробуем. Чтобы не резко и не сразу – сначала станем оставаться в имении на выходные, потом на подольше. А дальше – как захотим.

Навсегда захотели довольно быстро. Вера, к своему удивлению, загородную жизнь полюбила почти сразу. Да и как можно сравнить эту жизнь с городской, с ее отравленным воздухом, дикой загазованностью, резкими звуками, серыми пейзажами и всем остальным? Преимущества неоспоримы. Кстати, хитрый Геннадий Павлович в этом почти был уверен – потому что отлично знал натуру любимой жены. Вера – молчунья, Вера – затворница, схимница. Вера не любит общества и шумных гостей. И еще Веруша любит природу – ведь росла в Подмосковье.

Их имение было их жизнью. И создали они его вместе, вдвоем, с такой тщательностью и серьезной продуманностью – от крупного до мелочей, с таким терпением, нежностью и с любовью.

И были там счастливы. Впрочем, они просто были счастливы – везде и повсюду, и такое бывает.

С годами Геннадий Павлович стал работать меньше – возраст давал о себе знать, да и бизнес стал стабильным, денег на счетах скопилось достаточно, более чем, если уж честно. «На пару жизней уж точно хватит, – шутил Стрельцов. – А у нас она, Веруша, одна».

И самое главное, Стрельцовы уже были в том возрасте, когда отлично понимаешь, как эта единственная жизнь коротка и щедра на сюрпризы и что в ней всяко бывает – примеров вокруг множество. Все люди смертны, и всё, увы, быстротечно... Выходит, надо пожить для себя. Они это заслужили.

И мудрый Стрельцов постановил – жить и наслаждаться. За свою жизнь он огого как напахался! Жить ради любимой женщины – огромное счастье! И дано оно, увы, далеко не всем.

* * *

Свою встречу с Верой, их совпадение и все их дальнейшие совместные годы Стрельцов искренне считал огромным подарком судьбы. Жизнь его потрепала – ну а кого она пожалела? Но ведь важен итог, вернее, поздний, последний, жизненный этап. Третий возраст, как кто-то красиво сказал. И здесь судьба его щедро одарила.

Все у них было складно, ладно: и понимание с полувзгляда, когда и полуслова не нужно, и взаимная нежность, не иссякающая за долгие годы. И притяжение друг к другу – да, да, именно притяжение, то самое, личное, глубоко интимное, многими ровесниками давно позабытое. А у них было. Пусть не так ярко, как в молодости, пусть не так откровенно нетерпеливо, но было же. Было! И этот так называемый супружеский долг они оба исполняли с удовольствием и все еще с трепетом.

Женой Стрельцов гордился – не просто обожал и боготворил ее, а именно гордился. То, что его Верочка красавица, обсуждению не подлежало. И это не зашоренный субъективный взгляд влюбленного мужа – нет и нет! Вера Андреевна была и вправду красавицей – высокая, крутобедрая, длинношеяя, со стройными, чуть полноватыми красивыми ногами и пышной, высокой грудью, не испорченной, как ни странно, ни грудным вскармливанием, ни возрастом.

У его Веруши были по-прежнему роскошные, густые, чуть волнистые волосы, когда-то давно, в молодости, дивного золотистого цвета спелой пшеницы, белоснежная кожа, темные – чудеса! – брови и синие, с фиалковым отливом глаза, чуть вздернутый, правильный нос и пухлый, яркий рот.

А еще она отличалась замечательным, утонченным вкусом и острым чутьем на прекрасное. Одевалась Вера безупречно. Даже в зрелости умела найти тонкую грань и не перейти на скучные строгие «пожилые» наряды, вроде тоскливых костюмов с лацканами или унылых платьев. Могла даже и похулиганить – например, на пикник надеть молодежные джинсы с лохматыми дырками и яркие оранжевые кроссовки. Шли ей и вечерние платья, и узкие черные брючки со строгими, казалось бы скромными, но, безусловно, недешевыми кашемировыми свитерками, и строгие блузы а-ля паж, и цветастые «полуголые» сарафаны с пышными складчатыми юбками, открывающие все еще роскошные, гладкие плечи. И даже в домашнем халатике Верочка была хороша. А уж когда полы халатика нечаянно распахивались и из-под них появлялась круглая, гладкая коленка, Геннадий Павлович замирал, громко сглатывал слюну и старался умерить дрожь в руках.

«Какое счастье, – с восторгом думал он. – Спустя почти тридцать лет меня волнует собственная жена! Моя возлюбленная, моя единственная, моя желанная». Подумать только – за все эти годы он ни разу – ни разу! – не посмотрел с вожделением на другую женщину, хотя женскую красоту всегда отмечал. Но кто мог сравниться с его Верушей?

Иногда, а такое часто бывало, глядя на спящую жену, он думал, что скорее всего было бы куда проще, если бы он меньше ее любил.

Стрельцов знал мужчин, которые вполне спокойно относились к своим половинам. Да что там спокойно – с годами появлялись и легкое пренебрежение, и явная раздражительность, и накопленная усталость. Это нормально, люди устают друг от друга, накапливаются претензии, обиды, возникают конфликты.

Только не у него. Он ни разу не поймал себя на мысли, что ему бы хотелось отдохнуть от жены, свалить, как все мужики, на охоту или рыбалку, пусть без ружей и удочек – просто так, в сугубо мужскую компанию, как говорится, без баб, с суровым мальчишником, расслабиться по полной, посидеть в русской баньке, потом выпить холодной водочки и трепаться, что называется, на пустую, вспоминая яркие эпизоды бурной молодости, по-мальчишески хвастать

победами в драках и, конечно, бабами! Не хотелось ни разу! Сколько раз его звали на подобные мероприятия – не перечить. В элитные клубы со стойким запахом дорогих сигар и элитного коньяка, на рыбалку в глухую деревню. Звали и в бани, что называется, «со всеми делами». Под этим подразумевались роскошные девки, тщательно отобранные. Как-то он там побывал. Нет, смутить его голыми сиськами-задницами было сложно. Но стало так мерзко, что он, сославшись на срочно выдуманную встречу, быстро оттуда свалил.

Ханжой он не был, пуританином тоже. Мужиков он не осуждал.

В молодости Стрельцов и сам погулял, что уж там. Красиво погулял, с заходами и загогулинами. И некрасиво тоже. Но все давно было забыто, как и не было, – память все стерла. Да и вообще – теперь ему казалось, что вся его прошлая жизнь, до Веруши: два дурацких, бестолковых, коротких и несчастливых брака и все многочисленные любовницы, на час или ночь, на месяц или полгода, – мираж, фикция, обман или дурацкий сон.

Ничего этого не было. Лица его женщин, как правило, красивых или просто интересных, слились в одно малоразличаемое, невнятное, тусклое, потертое – кто, как, зачем?

Жизнь его началась с Веруши. До этого была репетиция, черновик.

Его жена была талантлива во всем. А как она готовила, какие у нее получались супы, котлеты и пироги! Как он отъедался в первые годы их брака! Ел много и жадно – бедняк, не приученный к домашнему, не знавший нормальной заботы. Было неловко, а остановиться не мог. Стыдоба. Но Веруша только посмеивалась и, кажется, удивлялась. А он, взрослый, битый жизнью мужик, краснел, как пацан. И еще – очень ждал ночи. Скорее бы! Скорее бы прижать ее к себе, вдохнуть ее неповторимый запах, уткнуться носом в ее волосы, шею. И задохнуться от счастья.

А как его Верочка обставила дом! И дело тут было не в возможностях, поверьте. Кстати, сто лет назад, в другой жизни, в крошечной квартирке с окнами на шумную трассу, у нее тоже было уютно и симпатично: керамические вазочки с веточками багульника, вязанные салфетки, постеры на стенах, милые, уютные занавески. Она не гонялась за брендами – еще чего! Могла купить и за рубль, как говорится. И все ей шло, и все вставало на место – будь то недорогая

тарелка на стену, невзрачная с виду вазочка, кружевная скатерка или репродукция.

Да, дом их, любимое имение, Веруша обставила с таким вкусом, что от восхищения замирали даже те, кто кое-что повидал в этой жизни.

Никакой вычурности, никакой демонстрации возможностей, никакой глупой и пошлой яркости не было в их новом загородном доме – все исключительно для жизни, чтобы было удобно хозяевам. Функционально, добротно, ну и, конечно, красиво.

И участок сама распланировала, и никакой ландшафтный дизайнер ей, умнице, не понадобился. И никакие дурацкие новшества в виде фонтанов, горок и вычурных садовых скульптур.

А цветы? Какой она развела цветник! Соседи приходили смотреть на него, как на чудо. Кусты разноцветных пионов – от кипенно-белых и бледно-розовых до темно-малиновых, почти фиолетовых, разноцветной сирени всевозможных сортов – от белой до чернильно-синей. А еще жасмин, огромные, с мужской кулак, садовые ромашки, разноцветные флоксы и пестрые ирисы, стайка робких васильков, полянка ландышей у забора. А поляна из желтых тюльпанов!

Все знакомое с детства, родное и близкое. Открытую веранду, на которой они обожали пить вечерний чай, оплетали густые ветки дикого винограда – по осени невозможных, сказочных цветов: желтого, оранжевого, малинового и бордового. Золотого! А плантация роз всевозможных оттенков, от белых и нежно-кремовых, лимонно-желтых, банальных бордовых и уж совсем чудных и редких, в голубизну.

Вера с гордостью щеголяла названиями: «Что-то gloria дей загибается. Ой, рапсодия ин блю засыхает. А остина, подумай, цветет и не думает отцветать». И горестно вздыхала: «Как-то на флорентине в этом году мало соцветий».

Конечно же, помощники были – и садовник Иван Васильевич, служивший когда-то в ботаническом саду, и горничная Соня, и хромая повариха Евгеша с невероятными пронзительными угольными глазами, которые бывают только у армянок, – чудная и несчастная баба из бакинских беженок. Жизнь свою Евгеша в столице не устроила, на жилье не накопила, так всю жизнь и жила в поварихах

да по чужим домам. Готовила она действительно восхитительно, сказочно, все ей было под силу: и бакинские кутабы, и армянская долма, и украинский борщ с галушками, и русские кислые щи. А уж какую стряпала солянку! Правда, характер у нее был не сахар – да оно и понятно, досталось ей. Ох, не дай бог. Из родного Баку молодая Евгеша бежала в январе девяностого, не спасло и то, что муж азербайджанец. Да и не было его тогда дома, работал он вахтенно, в море, на вышках. В тот страшный день в их квартиру ворвались бандиты с безумными, кровавыми глазами и стали искать золото. Евгеша, прижимая к груди трехлетнего сына, кивнула на ящик комода. Именно там лежали все ценности семейства Гуссейновых – немного простенького золота, подаренного на свадьбу, две пары сережек и несколько колечек, хлипкая пачечка денег, скопленных на новый цветной телевизор, да, пожалуй, и все.

Не побрезговали ничем – срывали покрывала с кровати, обрезали люстру со штампованным, дешевым хрусталем, скомкали Евгешино стеганое пальто, схватили даже детский трехколесный велосипедик, подаренный сыну на день рождения, – тащили все подряд, озверело озирались по сторонам, что бы еще прихватить. На следующий день на лестничной клетке валялись непарные туфли и ботинки, кофточки и рубашки, крышки от сковородок и пачки с таблетками – все то, что в спешке обронили ублюдки.

Мальчик, увидев, что забирают его велосипед, устроил истерику.

Евгеша умоляла бандитов не забирать любимую игрушку.

И именно в эту минуту к ней подошел неказистый, мелкий и кривоногий урод и, скинув ее с дивана, пнул в живот грязным, скосбоченным, огромным ботинком. Но этого ублюдку показалось мало – оглядевшись вокруг, он схватил табуретку с металлическими ногами и несколько раз, с размахом, опустил ее на Евгешины ноги.

Боясь, что сын испугается, засунув в рот кулак, Евгеша сдержала крик и стон.

Смотрела только на сына – не дай бог, что-нибудь сделают с ним!

– Гуссейнов он, – выкрикнула она, – ваш он, не армянин! Ребенка не трогайте, гады!

Ребенка действительно оставили в покое, и на этом спасибо.

А спустя два часа, когда погром в их дворе закончился, в открытую дверь Гуссейновых тихо вползла соседка Ирада-ханум, инвалидка семидесяти лет. Жила она с сыном, тоже нефтяником, хорошим парнем по имени Аббас. Кое-как умыла плачущего малыша, напоила его айраном с лепешкой и, укрыв одеялом, под колыбельную попыталась его укачать. Измученный и обессиленный, мальчик тут же уснул, но с той поры спал тревожно, громко стелая во сне. И с этого же дня стал заикаться.

Ирада-ханум вызвала «Скорую». Приехала она лишь под утро, замученные медики объяснили, что вызовов море, резня по всему городу, куча раненых и много убитых. Евгеше промыли раны на ногах, наложили повязку и укололи антибиотиком и обезболивающим. И наказали завтра же обратиться в больницу, необходимо сделать рентген и получить лечение.

Растерянная Ирада-ханум предложила Гуссейновым ночевать в их квартире.

Евгеша отказалась и стала собирать вещи – то, что не унесли с собой эти выродки. Молча бросала в чемодан остатки одежды и обуви, вытащила альбом с семейными фотографиями – мама, папа, дедушка с бабушкой, сестры и братья, двоюродные и троюродные. Родных у Евгешы не было. Двоюродные и троюродные жили кто где – и в Ереване, и в Карабахе, и в Туле. И даже в Москве.

Она покормила сына остатками вчерашнего обеда и села на диван, не отрывая глаз от настенных часов, дешевеньких, пластиковых, оттого и не унесенных бандитами.

Вечером должен был вернуться с вахты муж.

В девять ноль-ноль дверь открылась и на пороге возник хозяин дома, Акрам Алекберович Гуссейнов. Увидев жену, он застыл и не смог сдвинуться с места. А когда немного пришел в себя, припал к ее ногам и разрыдался. Громко плакал Акрам Гуссейнов, не плакал – выл, как собака. Проклинал Аллаха и грозил ему кулаком. Просил прощения за свой народ и за всю эту мерзость.

– Это не твой народ, – глядя в стену, тихо сказала Евгеша, – это вообще не народ. И извиняться тебе не за что. Акрам, – она посмотрела мужу в глаза, – я

уезжаю. Вернее – мы с Тофиком уезжаем. И я очень прошу тебя мне в этом помочь!

– Куда? – прохрипел муж.

– Пока не решила. Скорее всего, в Тулу к Рузанне или в Москву к кузену Амаяку.

– Нужна ты им, – отозвался муж и решительно добавил: – Решила – езжай. Только Тофика я тебе не отдам.

Евгеше показалось, что она ослышалась:

– Сына? Ты не отдашь мне моего сына?

Муж встал с колен, тщательно и неспешно отряхнул брюки.

– Моего, между прочим, тоже!

Никакие уговоры, никакие слезы не помогли – Евгеша понимала, что без мужа, без его помощи, из города ей не выбраться. А если решит бежать с ребенком, неизвестно, чем кончится дело. В аэропорту были страшные беспорядки. Рисковать сыном она не решилась.

Утром Гуссейнов отвез ребенка в аул к дальней родне. Уверил Евгешу, что там спокойно и тихо.

– Конечно, – горько усмехнулась она. – Ведь там нет армян.

Решила так – устроится в России и заберет сына. Да и на первых порах ей, скорее всего, будет так трудно, что это даже хорошо, что она будет одна – кто возьмет ее на работу с маленьким ребенком? Так успокаивала себя несчастная женщина.

Муж исполнил все четко – договорился с милицией в аэропорту, достал билет и посадил Евгешу в самолет.

– Пока, – пряча глаза, проговорил он. – Ну должен же этот мрак скоро закончиться!

Она не ответила. Была тогда как замороженная, почти ни на что не реагировала, ничего вокруг не видела и, кажется, уже ничего не боялась.

Только нога очень болела. Очень.

В Москве все было сложно. Брат принял ее, но радости не проявил. Намекал, что надо бы на работу, иначе совсем свихнется. А у Евгеша не было сил подняться и заняться делами. Так и сидела целыми днями, глядя в стену с обоями в голубых мертвяцких розах.

Жена брата смотрела на нее с удивлением. Ну а потом добавилось и раздражение.

Как-то Евгеша услышала их разговор. Начала, конечно, золовка:

– И долго она так будет сидеть? Ладно, нога. Но ведь по дому-то может помочь! Сготовить чего-нибудь. Повариха же! Я тоже устаю. Ты знаешь, что у меня на работе!

На следующий день Евгеша оделась и пошла на улицу. В киоске купила газету с объявлениями о работе. Нашла. Требовался повар с опытом работы, чистоплотный и приятный внешне.

Евгеша посмотрела на себя в зеркало – приятная ли она внешне? Да нет, вряд ли. От ее приятности и следа не осталось.

Дохла до парикмахерской, покрасила седину, привела в порядок ногти и брови и на следующий день поехала на собеседование.

Так началась ее новая жизнь в чужом доме – на кухне, с кастрюлями и сковородками.

Евгеша сменила несколько семей, пока попала к Стрельцовым.

Разные ей встречались люди – и хорошие, и плохие. Щедрые и скупые, пересчитывающие каждую луковицу и кусок сыра.

Но, по правде, ей было на все наплевать. Она честно делала свое дело, тщательно убирала кухню, чтобы ни соринки, ни пылинки, скребла кухонные доски, до иступления терла ножи, а потом уходила к себе.

Но именно там, в тишине и в покое, ей становилось совсем лихо. Она вспоминала всю свою жизнь. Как по большой любви они поженились с Гуссейновым, как складно жили, как понимали друг друга. Как были счастливы, когда родился их сын. Погром и те дни старалась не вспоминать. Но разве можно это забыть?

И как она тосковала по сыну. Муж – бывший или небывший? – ей исправно писал и присылал фотографии. Но забрать сына она не могла – куда, кто разрешит? Приходилось терпеть. А пока сын рос без нее. И в Баку она больше не ездила – теперь этот город, в котором она родилась и где родился ее сынок, был чужим и враждебным. Навсегда, и по-другому не будет.

Евгеша умоляла мужа привезти сына в Москву, хотя бы повидаться, взглянуть на него и обнять. А тот все тянул, придумывал отговорки. Убеждал, что это будет только лишняя травма и для нее, и для сына. Евгеша плакала и соглашалась. Не дай бог, чтобы мальчику стало плохо и больно. Муж прав, ведь он отвык от нее.

А позже узнала – Гуссейнов женился и забрал Тофика из деревни. Тогда поняла окончательно: сына он никогда не отдаст. Сволочь не сволочь, а такие традиции: сын при разводе остается с отцом.

Молилась Евгеша об одном – чтобы мачеха оказалась приличным человеком и хорошо относилась к мальчику.

Кажется, так оно и было, бог услышал молитвы Евгении Гуссейновой. Хоть на этот раз – и на том спасибо.

Так и жила по домам. На улицу почти не выходила, только с шофером на рынок да в магазин. Все теперь ей было неинтересно. Жила как во сне: прошел день – и ладно. На мужчин не смотрела – какое! Кому нужна калека, да без своего угла? «Так и проживу по чужим людям, – решила Евгеша. – Выходит, такая судьба». Только хотелось поехать на могилы родителей. Но боялась города, некогда

такого любимого, и встречи с подросшим сыном.

Когда Евгеша попала к Стрельцовым, поняла – повезло. Людей она считывала сразу, мгновенно, как рентген. Поняла, что сам ни во что лезть не будет – не тот человек, да и занят по горло. А хозяйка... Нет, не из стерв. Точно уж не из них – в глазах у Веры Андреевны, Веруши, стояла, как застывшее озеро, непонятная, странная и неизбывная печаль. И почему, интересно? Ведь, кажется, у нее все хорошо? Хотя кто что знает? В каждом доме по кому. Всякого Евгеша навидалась, всякого. Богатые тоже плачут, и как! Иногда горше, чем бедные, – им есть что терять.

Все оказалось так, как она себе и представляла – хозяин никуда не лез, нос в домашние дела не совал, а с хозяйкой удалось невозможное – они подружились, насколько могли подружиться такие женщины, как Вера Андреевна и Евгеша Гуссейнова.

* * *

Огород посадили ради шутки, для баловства, ничего серьезного. Но и тут у Веруши все прекрасно росло: и неизбалованные укроп и петрушка, и новички на российской земле базилик и тархун, и огурчики – да, да! В «огурцовый» год их было навалом, банки крутили Веруша и Евгеша, а рядом топтался и мешал Геннадий Павлович, приговаривая «какие же мы молодцы». Росли груши и сливы, подмосковные, мелкие, невзрачные, но сладкие вполне, из них варили варенье. А уж про яблоки и говорить нечего – и белый налив, и коричные, и поздняя антоновка. И малина имелась, и смородина – белая, красная, черная. И любимый Верушин крыжовник.

Конечно, помощь была и в огороде – два раза в неделю приходила молдаванка Марийка и пропалывала, окучивала, подрезала и учила Верушу премудростям. Но и Веруша на откуп хозяйство не отдавала.

Стрельцов удивлялся, поглядывая на нее из окна: в стареньком сарафане и в калошах его Веруша бродила по участку и контролировала хозяйство. «Девочка моя, – думал он, и сердце сладко замирало в груди. – Родная. Любимая. Счастье мое. И за что это мне?»

* * *

В первый раз Стрельцов женился в восемнадцать. Потом понял – от одиночества. Хотелось родного и близкого человека, тепла хотелось.

Его избранницей стала парикмахерша Инга, двадцати пяти лет. В парикмахерскую, стоявшую напротив дома, юный Гена Стрельцов забежал постричь буйный чуб.

Инга была высокой, худой и очень смуглой – оказалось, что у нее цыганские корни. На скуластом, остром лице горели огнем ярко-зеленые ведьминские глаза.

Была она насмешливой и языкатой, эта зеленоглазая ведьма.

Однажды ночью Генка Стрельцов заночевал у смуглянки, ну и, как говорится, пропал. Вспоминаая ночные Ингины стоны, ее ловкие и проворные тонкие руки, длинные ноги, которые с дьявольским смехом она закидывала на его плечи, Гена Стрельцов не мог ни учиться, ни есть, ни спать – просто сходил с ума. Похудел на десять килограммов, и от его ненормального взгляда шарахались люди.

Это был морок, сумасшествие. Пару раз он чуть не попал под машину, не услышав резкого, протяжного гудка.

А цыганская ведьма издевалась: пуцу – не пуцу, приходи – не приходи. Бывало, что и дверь не открывала, мариновала парня, доводила до ручки, все про него понимая: первая женщина, абсолютное, форменное помешательство.

А он, дурак, решил, что выход есть один – жениться. Если Инга будет его законной женой, то куда она денется? И каждая ночь будет его.

Услышав предложение руки и сердца, Инга остолбенела – кажется, так на нее еще никто не западал. Что там говорить, с потенциальными женихами было не очень – кавалеров полно, любовников море, а вот замуж никто не звал.

Поехала к тетке-цыганке, сестре по отцу. Та жила в Перловке и слыла отменной гадалкой и этим промыслом кормила огромную, человек в двадцать, семью.

Тетка, перекинув помятый, изжеванный бычок «Беломора» из одного угла узкого сморщенного рта в другой, усмехнулась:

– А иди, девка! Ничего не теряешь. Как положено не вышла, иди хоть так. Хоть будет чем отмазаться – была замужем, вроде как приличная.

Инга растерялась – не ждала такого. Тетка между тем продолжила:

– А парня тебе не жалко? Вроде ни в чем не виноват. Загубишь ты его. Смотри, грех-то большой.

– Да плевать. – Инга беспечно махнула рукой. – Какое мне дело? Сам в петлю лезет, его воля.

– И то верно, – согласилась старуха. – Иди вон поешь на кухню. Девки обед только сварили.

Пошла. На огромной жаркой кухне толпилась куча народу – громкие, шумные, кто орет, кто смеется, кто плачет, кто ссорится. Родня по отцу. Отец умер, когда Инге было два года, и русская мать тут же ушла от цыган. Пока мать была жива, они жили вдвоем в комнате на самом краю Москвы, у Кольцевой. Мать работала в жэке диспетчером, отсюда и комната. Навещали цыганскую родню в Перловке редко, раза два в год. Обычаев Инга почти не знала, и жизнь родственников была ей непонятна. Она в их доме всегда терялась – языка почти не понимала, и дети, ее многочисленные сестры и братья, только над ней насмехались. Но цыгане им с матерью не давали пропасть – и деньгами помогали, и продуктами, такой обычай. Станный это был народ, странный. Шумный, крикливый, горластый.

И хоть Инга своей у цыган никогда не была, но кровь цыганская в ней бурлила, и иногда ее тянуло в Перловку. Зачем, почему – объяснить не могла. А как съездит – так еще сто лет не надо. Уставала там быстро, голова начинала трещать.

В Перловке ходили с матерью к отцу на кладбище. На могиле стоял высокий деревянный крест с простой надписью «Василий Яковлев, прожил двадцать два года».

У могилы мать плакала, причитала, а потом быстро собирались домой:

- Не могу я здесь ночевать. Не могу спать на полу среди кучи народа.

И вправду, возвращались в Москву, и их малюсенькая чистенькая комнатка казалась им раем.

Мать умерла, когда Инге было шестнадцать.

Родни по материнской линии у нее не было. Инга поехала в Перловку. Цыгане качали головами, цокали языками и говорили, что умерла Нина оттого, что ушла от цыган.

Денег дали, продуктов тоже, и тем же вечером Инга вернулась в Москву. Похоронив мать, зажила одна. Выучилась на парикмахера - всегда кусок хлеба.

Через полгода приехали цыгане и стали ее сватать. В качестве жениха предлагали пожилого вдовца с тремя детьми.

Инга поняла: хорошего жениха ей не предложат, все равно не своя. Молодой, обеспеченный, свободный цыган на ней не женится.

Родню она тогда выгнала и в тот же вечер поняла, что осталась на свете совсем одна.

Ну и зажила в свое удовольствие.

Правда, удовольствие это было сомнительное. Мужчины восхищались ею, но и побаивались - цыганка. Может и приворожить, и порчу навести. Откуда им знать, что Инга ничего этого она не умела - какая она цыганка, одно название.

После неудачного сватовства цыганская родня обиделась крепко и помогать перестала. Постепенно Ингино сердце наполнилось ненавистью к мужчинам - никому не нужна, только так, побаловаться, потешиться ее яркой и смуглой наготой.

А тут этот пацан, этот Генка. Смешно. Но влюблен, это видно. Влюблен так, что дрожит. Забавный, наивный, цветы таскает, конфеты. Симпатичный к тому же. Ну и решила – а черт с ним! Выйду судьбе назло! И пусть потом кто-то скажет, что непорядочная, что замуж не брали.

Конечно, понимала, что все это ненадолго. Прозреет пацан, придет в себя, опомнится, ну и свалит, конечно. Да и черт с ним. Зато останется штамп в паспорте. И еще у нее будет свадьба – настоящая, с фатой и белым платьем, с гостями, салатами и подарками. И еще – с криками «горько».

Но никакой такой свадьбы не получилось – нет, фата и платье были. И даже тоненькие золотые колечки. И загс был, и кафе. Только в кафе было всего шесть человек – она с Генкой и два Генкиных приятеля с девушками, такими же сопливыми, как и жених.

Девушки были заинтригованы и напуганы – настоящая цыганка, взрослая женщина, разглядывали ее, как обезьяну в зоопарке.

Родственники жениха на свадьбу не явились – невеста им пришлась явно не ко двору.

Ну и черт с ними, подумаешь! Цыган она сама не позвала – куда? Явятся толпой, знаем мы их. Начнут шуметь, горланить песни – ни уговорить, ни прокормить.

Да и с подарками не получилось – какие подарки от нищих студентов? Сложились и купили какой-то дурацкий набор дешевых фужеров под шампанское. Кому из них пить?

Гостей приглашать к себе Инга не собиралась – еще чего! Кормить этих желторотых сопливых птенцов, мужниных приятелей? Больно надо.

Посидели скромно, жених был в долгах как в шелках – на все пришлось занимать: на платье, костюм, кольца, кафе. Через пару часов пришли к Инге домой. Счастливый молодой муж кружил ее по комнатке. Она злилась и вырывалась. От злости и обиды расплакалась – не так она представляла свой праздник, не так.

А пьяненький Генка обиделся – правда, так и не понял, дурачок, чего она разревелась.

Прожили вместе они месяцев восемь.

Инга уходила на работу, Гена бежал в институт. Говорить им было не о чем. Вечером встречались и снова молчали. Инга видела, с каким нетерпением молодой дурачок ждет ночи, и раздраженно усмехалась – понятно, чего тебе еще надо, только об этом и думаешь!

Но со временем он успокоился, насытился женой и даже стал понемногу ею тяготиться. В студенческие компании убегал один, без нее. Правда, Инга туда и не рвалась. Сидела вечерами одна в темной комнате и редела.

Ночи их стали спокойнее и прохладнее. Что называется, через раз. Ну и слава богу, все это ей давно надоело.

А однажды, проснувшись, решила: «Выгоню. Надоел. Какого черта он делает здесь, в моей комнате?»

Было воскресенье, и молодой муж безмятежно и сладко похрапывал.

Грубо ткнула его в плечо:

– Эй, просыпайся!

Генка недовольно открыл глаза.

– Вещи собирай, – коротко бросила она, – и чеши домой!

Он молчал. Инга ждала, что начнутся скандал, слезы, уговоры, мольбы о прощении.

Но ничего этого не случилось. Генка бодро кивнул, вскочил с постели и быстро стал бросать в чемодан свои вещи.

Щелкнув замком, обернулся:

- Ну я пошел?

- Иди, - устало проговорила она.

- Ну... тогда пока?

Она усмехнулась:

- Не пока, Гена, а прощай! Всего тебе самого.

- И тебе, - смущенно буркнул он и рванулся из комнаты.

Услышав стук входной двери, Инга испытала огромное облегчение. И еще глухую тоску. Она снова одна. Но разве она сама этого не хотела?

А Генка Стрельцов, молодой, свободный и счастливый, торопился домой.

Впереди его ждала длинная жизнь. Такая длинная, что от восторга замирало сердце. А свою первую женитьбу он постарается вычеркнуть из памяти. «Вот же глупость какая! - удивлялся он потом. - И надо же было так влипнуть! Ну я и мудака!»

Через пару месяцев истощенный постельными упражнениями Генка поправился, наел физиономию, пришел в себя и почти не вспоминал об Инге.

Ну и, конечно, загулял напропалую. Так загулял, что мама дорогая!

Однажды на улице Генку окликнули, он обернулся - немолодая полная женщина с хмурым лицом сурово спросила:

- Не узнаешь?

Генка медленно покачал головой.

Тетка недобро усмехнулась.

Наконец до него дошло – маникюрша из Ингиной парикмахерской, имени ее он, конечно, не помнил. Видел мельком, да и не до теток ему было тогда – в глаза слепила страсть, и, кроме Инги, он вообще никого не видел.

– Здравсте, – хмуро буркнул Генка и собрался быстро ретироваться.

Тетка его не отпускала:

– Вижу, живешь не тужишь! – В голосе ее звучал упрек.

– А что мне тужить? – нагло, с вызовом ответил Генка. – Вроде причин нет.

– Ага, нет. А про бывшую свою спросить не хочешь?

Генка растерялся:

– Да вроде бы нет.

Тетка его перебила.

– Уехала твоя Инга! – радостно сообщила она. – Замуж вышла за моряка и уехала во Владивосток! Письмо написала, что все у ней хорошо! Муж в загранку ходит, шмотки привозит. Квартира отдельная, однокомнатная. В общем, счастлива Инга! Понял, что я сказала?

– Ну и слава богу! – рассмеялся от такого напора Генка. – Я искренне рад за нее! А вообще – извините, мне это не интересно!

И, развернувшись, без всяких «до свидания» и «всего доброго» быстро пошел прочь. Точнее, побежал.

И вот что интересно – все эти месяцы Ингу он почти не вспоминал. А тут как нахлынуло – всю ночь ворочался, кряхтел, стонал, вспоминая их недолгую совместную жизнь. Точнее, ночи. А больше, кажется, и вспомнить было нечего.

Только чудеса – стоило представить Ингу в объятиях морехода, как заливала его ревность – страшно, прямо до душевной боли, до дрожи.

Утром встал, как после тяжелого похмелья – морда серая, под глазами мешки, руки дрожат, ноги трясутся.

Но и это прошло через два дня.

Гена Стрельцов окончил институт и пошел работать.

Работа была хорошая, интересная, конечно же, по специальности – инженер канатных дорог.

В проектном институте было много молодежи. Сложилась большая компания, вместе ходили обедать в столовку, вместе распивали чаи, а по выходным обязательно выбирались в кино, зимой ездили в лес кататься на лыжах или на каток в Лужники, летом выбирались купаться в ближнее Подмосковье. А если уж была свободная хата, то, конечно, собирались там.

Естественно, все крутили романы – молодость, самое время!

Генка романиться на работе не собирался – лишние сложности. Но получилось по-другому, увы.

Опять влип, дурак.

Таня Кукушкина работала в соседнем отделе и считалась старой девой – двадцать восемь, а все в невестах. Была она некрасивой, блеклой и молчаливой – словом, типичная серая мышь. Про таких говорили – без пол-литра не подойдешь. Ну и случились эти самые пол-литра. Крепко поддавший Стрельцов на сабантуе по поводу ноябрьских праздников уложил Кукушкину в кровать – в койку, как говорится.

Все это заметили, сильно удивились, но не комментировали – не принято, все взрослые люди, да и кому какое дело, кто с кем прилег. Пару дней похихикали на тему, что Кукушкиной наконец повезло и она урвала свой «кусочек счастья», и забыли.

И сам Генка забыл.

А вот Кукушкина нет.

Бедная Таня влюбилась и решила, что Гена Стрельцов предназначен ей самой судьбой. Нет, она не преследовала его. Но почему-то он постоянно на нее натыкался: то в коридоре, то в курилке, то в столовой, где тихая Таня занимала ему очередь и нарочито громко окликала:

– Ген, иди сюда, я тебе заняла!

Раз по пять в день, найдя смешной предлог, она заходила в его отдел и бросала на Гену отчаянные, полные любви и тоски взгляды.

Дальше – больше: скромная Таня Кукушкина стала сильно краситься и наряжаться.

Тетки Кукушкину жалели, а мужики посмеивались. Только Генка делал вид, что это его не касается. Он раздражался, пытался после работы поскорее исчезнуть и перестал ходить по выходным в общую компанию.

А через месяц Таня подкараулила его у проходной и, не поднимая глаз, сообщила о своей беременности.

Стрельцов впал в ступор.

– Как так? Нет, так не бывает! Этого просто не может быть! Чтобы так, с первого раза? Ты в этом уверена? – повторял он как заведенный.

– Уверена, была у врача, – монотонно повторяла Кукушкина и, подняв на него глаза, тихо, но твердо сказала: – Я, Гена, буду рожать. И это не обсуждается.

– Как – рожать? – чуть не плакал Гена. – Так, с ходу? Ты что, Кукушкина, спятила?

– С ходу? – недобро усмехнулась Таня. – Мне через неделю двадцать девять. Это не с ходу, Гена. Поверь. – И, развернувшись, с высоко поднятой головой пошла

прочь.

Убитый Генка поплелся за ней.

Долго сидели на лавочке и молчали, а потом он снова пытался уговорить ее на аборт.

Сцепив зубы, Таня молча качала головой.

И Стрельцов понял, что влип окончательно. Такие, как эта Кукушкина, серые, тихие мышки на деле оказываются крепче закаленной дамасской стали, и с ними не сладить. Надо было придумать, как быть.

Уволиться с работы он не мог – молодой специалист. Тогда с этим было строго. А остаться в положении подонка и подлеца... Нет, мог, конечно. Но не хотел.

Месяц Генка раздумывал. Ловил на себе осуждающие взгляды коллег. Теперь Кукушкиной сочувствовали все без исключения. А Генку, разумеется, считали подлецом.

Через месяц Генка сделал Кукушкиной предложение.

Таня расцвела лицом и царственно кивнула – согласна.

Расписались они еще через месяц, и несчастный, но честный Стрельцов переехал в квартиру жены.

Это была крошечная двухкомнатная квартирка, где проживали еще Танин брат с женой и маленьким сыном.

Замужество старой девы-сестры в их планы не входило – Таня нянчилась с племянником, варила обеды и убирала квартиру. А теперь все катастрофически поменялось и вообще рухнуло в тартарары. Новая родня здоровалась с Генкой сквозь зубы, тут же были поделены полки в холодильнике и назначена очередь в ванную. Бедная Таня, теперь уже Стрельцова, страдала от страшного токсикоза и всемирной несправедливости. Ей искренне казалось, что брат с золовкой будут счастливы ее замужеству.

И начался ад. Таню все время тошнило – ни готовить, ни есть она не могла. Возле кровати стоял старый таз, куда она без конца блевала.

Сжав зубы, Генка Стрельцов варил себе пельмени под презрительным и насмешливым взглядом Ируси, Таниной золовки.

Домой ноги не несли. Как-то явился поддатый в полпервого ночи – с горя отрывался у друзей. Дверь ему не открыли – соблюдай правила общежития! Пришлось ночевать на вокзале.

Устроил скандал жене. Та плакала, объясняла, что брат ответственный квартиросъемщик и ничего поделывать она не может.

Летом Таня родила девочку. Стрельцов встречал жену у роддома. Медсестра торжественно вручила ему туго спеленатый комоч. Генка рассеянно глянул на дочку и затосковал – ничего к этому ребенку он не почувствовал. Ни-че-го! Так бывает? Ему казалось, что к дворовому щенку он бы испытал больше нежности и умиления.

Девочку назвали Наташей, в честь Таниной матери.

Наташа оказалась крикливой и болезненной, ночами Стрельцовы совсем не спали. Ируся стучала в стену:

– Уймите ребенка, нам с утра на работу!

Как будто ему, молодому папаше, было не на работу!

Ходил как пьяный, шарахался от стенки к стенке, шатался. Голова совсем не варила – не голова, а пивной котел.

Генка возненавидел весь мир. А больше всего – Кукушкину. Это она сломала ему жизнь. Подловила его, обманула. Заставила! Как же он был несчастен тогда. Боже мой, как несчастен! И к дочке своей, кровиночке, по-прежнему ничего не испытывал. Ничего, кроме раздражения и тоски.

Через год Стрельцов от жены ушел. Точнее, сбежал.

Она его не удерживала, все понимала. Не было у них жизни с самого первого дня, как не было и любви. Таня понимала, что никаким ребенком мужика не удержишь. Да и черт с ним, пусть идет. Теперь у нее есть дочка, а это главное. Она не одна. И еще – она была замужем! Так что и дочка у нее законная, и люди ее не осудят. А то, что развелась, так все и так разводятся, наплевать!

Стрельцов же был опять свободен. И опять чувствовал себя дураком.

Девочку Наташу, свою дочку, Стрельцов почти не видел – так, раз в год, не больше. А то и реже. Алименты платил, подарки на день рождения привозил, а что еще? Любить не заставишь. И Таня чужая, и дочка ее. Нехорошо, но так вышло. Бывает.

После второго развода Стрельцов окончательно слетел с катушек и женщин менял как перчатки. Длительных и серьезных романов не заводил, остерегался. Увлекался на коротко, но не влюблялся. Расставался легко и красиво, по крайней мере, старался. А уж осторожен был так, что связи подчас теряли свою остроту и прелесть. А все опыт, сын ошибок трудных.

Под первое сентября позвонила Кукушкина – по-прежнему он называл ее именно так – и попросила прийти в школу. Наташа шла в первый класс.

Нет, все понятно и все правильно – он обязан, должен. Но как же стало тошно.

Дочь Стрельцов не видел около около двух лет, так получилось. Боялся, что не узнает ее. Вот будет конфуз.

К зданию школы шел крадучись, как вор. Подойдя, принялся осторожно выглядывать Кукушкину. Увидел. Та держала за руку бледную и худенькую девочку с тощими косичками и пышными белыми бантами. Кажется, немного похожа на его мать. Или ему показалось?

Кукушкина постарела, выглядит, как пенсионерка. Нет, конечно, он немного преувеличил, но... Тетка. Серая, мрачная, тоскливая тетка. Бррррр! И как его угораздило, господи?

Нацепив на лицо сияющую улыбку, Стрельцов быстрым шагом подошел к бывшей жене и дочке. При виде испуганных, наполненных слезами глаз девочки, кажется, впервые кольнуло сердце. «Гад я, сволочь, – думал Стрельцов. – Да что за жизнь такая паскудная!»

Он сунул дочке букет растрепавшихся астр, купленных по дороге у метро, шоколадку «Аленка» и торопливо попрощался:

– Ну я побежал? Работа, работа!

Бывшая жена пристально посмотрела на него и грустно кивнула:

– Конечно, беги. – И тихо добавила: – Спасибо, Гена, что не отказал, нашел время.

Почувствовав себя окончательным и безоговорочным подлецом, он покраснел, махнул рукой и быстро пошел прочь.

* * *

Веру Стрельцов встретил спустя четыре года, когда уже и не надеялся на любовь, не ждал ее и превратился в прожженного циника и отъявленного скептика.

Увидел и остолбенел, как молнией пробило: моя! Господи, а так бывает – чтобы так пронзило, так пробрало в одну минуту?

Оказалось, бывает.

Сошлись они сразу. Тянуть было нечего, терять драгоценное время – непростительная глупость. Они слишком долго шли друг к другу, и он, и она. И оба были несчастны. Спустя неделю Стрельцов переехал к Вере.

Он так скучал по ней, что не мог дождаться окончания рабочего дня. Мчался к ней, как мальчишка, сопляк, никогда не знавший женщин.

И сына ее, Вадьку, полюбил с первого дня. И сразу стал считать его своим, безо всяких там оговорок.

Вот правду говорят – если мужчина любит женщину, то и детей ее любит. А Стрельцов Веру очень любил. Очень. Он и не думал, что так бывает. Вот как ему повезло. К тому же Вадька был послушным, спокойным, как сейчас говорят, адекватным во всем. Прекрасно учился, с усердием занимался в шахматном кружке, а позже увлекся программированием. Все ему давалось легко – и гуманитарные дисциплины, и технические.

Веруша мечтала, чтобы сын стал врачом, спала и видела Вадика в белом халате. Он, почти никогда не возражавший, послушный и сдержанный, безоговорочно обожающий мать, в десятом классе впервые взбунтовался и наотрез отказался идти в медицинский.

Кажется, впервые у матери с сыном произошел серьезный конфликт. Веруша плакала, впала в депрессию и говорила, что рушится весь ее мир. Но Стрельцов сумел ее успокоить, убедить, что ломать жизнь парню не стоит, и вообще он серьезный, вдумчивый молодой человек, так что необходимо считаться с его желаниями.

Постепенно все успокоилось, вошло в свои берега. Вадик поступил – а кто бы сомневался – в МГУ на биофак.

Исподтишка разглядывая своего пасынка, Стрельцов ловил себя на мысли, что Вадик типичный «ботаник» – худой, длинный и немного неуклюжий очкарик вполне подходил под придуманный образ наивного, одержимого учебной недотепы.

Но внешний облик, как известно, обманчив – их сын не был ни наивным, ни слабохарактерным, и уж точно его нельзя было назвать недотепой. Вадик был собран, прагматичен и точно знал, как идти к своей цели.

Веруша успокоилась, понемногу пришла в себя и наконец выдохнула: сын увлечен и счастлив, а что еще надо родителям? Она принялась рассматривать возможные варианты отъезда Вадима за рубеж.

Российская наука прочно стояла на месте и практически не финансировалась. Вадим занимался довольно узкой областью биологии, и к пятому курсу было очевидно, что на родине, увы, ему делать нечего – придется уехать.

Диплом сын защитил, как и ожидали, с блеском. Он переписывался с тремя серьезнейшими колледжами в Америке и в Японии, Вера Андреевна уже почти смирилась с мыслью, что Вадим уедет, но в этот ответственный и крайне важный момент ее мальчик, спокойный и, как казалось, рациональный и даже немного холодноватый, безумно влюбился. Даже так – Вадик пропал. И в это же самое время – вот оно, совпадение – была куплена и даже отремонтирована квартира в Огайо, в пятнадцати минутах спокойным шагом до университетской лаборатории.

В том, что Вадима неожиданно настигло такое сокрушительное чувство, ничего удивительного, а уж тем более странного не было – его сверстники уже давно пережили и первую, и даже вторую любви. Некоторые успели жениться и развестись, а кто-то уже стал отцом. Вера Андреевна и Геннадий Павлович прекрасно все понимали. И, что самое главное, избранницей сына были довольны. Просто в связи с внезапно возникшей – аварийной, как говорила Вера Андреевна, – ситуацией рушились тщательно выстроенные, выношенные планы семьи. Внезапная и вполне ожидаемая страсть накрыла их бедного сына за восемь месяцев до подтвержденного отъезда.

Всегда собранный, Вадик растерянно хлопал глазами, беспомощно протирал в сотый раз очки и разводил руками:

– Мама, я правда не знаю, что делать! Ну ты хоть не мучай меня и пойми!

Понимать Вера Андреевна категорически отказывалась – все уже почти срослось – был выбран университет, куплена и отремонтирована квартира, впереди маячили и прекрасная карьера, и успех, и приличные деньги. Но главное не это – главное то, что их сын занимался бы любимым делом! Позади было три года сложнейшей переписки и налаживания контактов, три года нервов, трудов и бессонных ночей. Куча собеседований и бесконечных тестов. И вот на выходе, когда все, казалось бы, срослось и решилось, произошли перемены. Да что там перемены – рушилась жизнь.

Да, девочка, страстная любовь их сына, была замечательной, из приличной, интеллигентной семьи врачей, с прекрасным воспитанием и образованием. Да и сама Марина, Маришка, как называли ее все, была чудесной: и умница, и красавица, и будущий врач. Геннадий Павлович неловко шутил:

- Не получился эскулап из сына, получи докторицу-дочку.

Все так, да. Все так. Но дело было вот в чем – Марина училась только на третьем курсе. А это означало, что впереди у нее еще три года учебы плюс ординатура и интернатура.

Бросать на третьем курсе медицинский было бы совсем нелепо, это все понимали. И по всему выходило, что Вадик должен оставаться в Москве. Естественно, его самостоятельный отъезд не обсуждался. Точнее, попытки обсудить его были, но тут Вера Андреевна потерпела полнейший крах:

- Я без Маришки? Без жены? Мама, какие перспективы и договоренности? Ты о чем? Что мне важнее Маришки? Карьера?

На осторожный Верин кивок Вадик истерично расхохотался.

Геннадий Павлович смотрел на Веру и делал «страшные глаза». Она плакала.

Вадик громко хлопнул дверью и ушел.

- Куда он? – повторяла рыдающая мать. – Гена! Куда он? Он к нам не вернется?

- Господи, Веруша! Ну конечно же, к Марине, куда же еще? Ничего, успокоится, придет в себя. Меня беспокоишь ты, у тебя слабое сердце и нервы! Успокойся, родная! Все наладится, все устаканится. Для меня главное твое здоровье! А все остальное, если честно, меня вообще не трогает.

Вера Андреевна зарыдала еще пуще:

- Все остальное? Это ты называешь «остальное»?

Через десять минут они, как обычно, помирились. Геннадий Павлович обнял жену, и, чуть покачиваясь, просидели они в этой неудобной позе довольно долго.

Да, безусловно, было безумно обидно. Обидно, жалко, почти катастрофа. И все непонятно – впереди несколько лет Мариной учебы, насмарку все усилия. Что будет потом? Возьмут ли его? Не забудут ли о нем? Да и чем ему заниматься здесь, пока Марина учится? Наука развалена, денег не платят. Хотя разве дело в деньгах? Слава богу, родители прокормили бы молодую семью, речь не о том. Речь о потере драгоценнейшего времени. Да и политическая обстановка оставляла желать лучшего, отношения между странами стремительно портились.

Но делать было нечего. В конце концов, повлиять на это Стрельцовы не могли. Попытаться уговорить Марину? Убедить ее, что ей ради карьеры мужа надо оставить учебу? Нет, это было бы крайне непорядочно – предлагать молодой, умной женщине пожертвовать собственной карьерой ради их сына. Да и сын им никогда бы этого не простил.

По всему выходило, что надо просто смириться. Просто сказать себе: «Не получилось». Жизнь сама внесла свои коррективы, так часто бывает.

И еще надо надеяться на хорошее. К этому призывал расстроенную и всхлипывающую жену мудрый Геннадий Павлович: все, что ни делается, как известно, делается к лучшему.

В общем, смирились и стали готовиться к свадьбе.

Но тут произошло непредвиденное. Спустя несколько месяцев, аккурат перед свадьбой, когда был, наконец, выбран ресторан и даже заказаны кольца, молодые расстались. Как, почему – этого никто не знал и не понимал. Такая любовь, такие страсти – и на тебе!

Вера Андреевна испытывала странные чувства. С одной стороны, если честно, она была рада. Оперативно узнала, что еще есть возможность уехать, успеть к началу учебного года. Времени совсем мало, но шанс есть. Если, конечно, на место Вадика не нашлось претендента.

Да, да, ему надо уехать. Переключиться, поменять обстановку, заняться любимым делом. Только так он сможет быстрее забыть Марину.

Но странное дело – сын не страдал. Нет, не так – он, разумеется, переживал, стал еще более замкнутым, молчаливым, подолгу не выходил из своей комнаты. Но все-таки это казалось Вере не страданиями, а лишь расстройством. Цена страданий ей, увы, была хорошо известна.

В общем, расставание сын пережил довольно легко. Да и слава богу – произошло все как-то слишком стремительно. Неужели так сильно было разочарование? Загадка. Сколько ни пытались Стрельцовы ее разгадать – не удалось.

Но самое странное и обидное случилось потом. После расставания с Мариной и своего, так сказать, освобождения от обязательств Вадим за границу не уехал. Сказал, что перегорел.

Конечно, Вера Андреевна снова переживала, но повлиять ни на что не могла. Крепким орешком оказался их сын, сами не ожидали. Почти два года Вадик работал в известном институте на должности младшего научного сотрудника.

Вера видела – разочаровывается. С каждым днем разочаровывается, буквально с каждым.

И вот однажды за семейным ужином он попросил отца взять его на работу.

Если бы Стрельцовы видели себя со стороны, наверняка бы рассмеялись – как говорится, немая сцена. Два полуоткрытых рта и четыре хлопающих глаза.

Казалось, воздух застыл. Первым оправился Геннадий Павлович, умница Геннадий Павлович, ее любимый Геша, Генчик, Генсек – генеральный секретарь их семьи.

– Ну и правильно, – громко сглотнул он и махом выпил бокал вина. – Ты все решил правильно, сын! Бизнес – дело умных и смелых. И ты нам подходишь. – Он делано рассмеялся. – Все правильно, да, – придав голосу уверенности повторил Стрельцов. – А эта наука...

При слове «наука» Вадик чуть дернулся.

– В общем, буду думать, куда тебя приспособить. Деньги – это свобода, сын, ты мне поверь. А свобода – это, знаешь ли, все! – Растерянный и смущенный, Геннадий Павлович встал из-за стола, нежно чмокнул в бледную щеку жену, похлопал по плечу сына и вышел из столовой.

Вера молчала. Молчал и Вадим. Наконец про-изнес:

– Прости меня, мам. Если сможешь, конечно.

Вера Андреевна ничего не ответила. В голове было глухо и пусто. «Вся жизнь, – думала она, – вся жизнь в тартарары! К чертям собачьим вся жизнь. Ну вот, я опять проиграла».

Но, как часто бывает, все оказалось не так трагично и сложно. Вадим стал работать в фирме отца, и, по словам самого Геннадия Павловича, фирме от сына был только прибыль. «Талантливый человек талантлив во всем», – не уставал повторять муж. И Вера ему верила. Знала, что сын умница и трудяга. Но как же обидно, что ее мальчик не стал ученым! Да и бизнес – это Вера уже понимала – дело нечистое, как ни крути. И еще – такой тихий мальчик и такие повороты судьбы...

Должность и деньги изменили Вадима, он приосанился, стал увереннее, возмужал и даже похорошел – окреп физически и стал следить за собой – так было принято в его кругу успешных, небедных молодых предпринимателей. Обязательный спортзал три раза в неделю, там же бассейн, правильное питание, ну и все остальное, включая гольф и горные лыжи.

С отцом отношения у них не только не испортились, чего так боялась Вера, а стали еще крепче, и привязанность сделалась еще сильнее. Никаких, как это обычно бывает, конфликтов. Счастье.

И Вера Андреевна наконец успокоилась, в который раз оценив мудрость пословицы: «Все, что ни делается, делается к лучшему».

Беспокоило только одно – выстраивать серьезные отношения и жениться их сын, кажется, не собирался.

Душевная травма? Возможно. Или повзрослел и вкусил свободы и денег?

Кстати! Как-то случайно, ну разумеется, встретила Марину, несостоявшуюся невестку. Вернее, увидела ее из окна машины на долгом светофоре в районе Павелецкой.

Марина стояла на переходе и говорила по телефону. В правой руке телефон, в левой – ладошка мальчика лет четырех. Хорошенького, кудрявого, похожего на нее.

Вера Андреевна высунулась в окно, чтобы разглядеть Марину поближе, но в эту минуту зажегся зеленый и длиннющая вереница автомобилей медленно сдвинулась с места.

Выходит, у Марины все хорошо. Ну и слава богу, ничего плохого она ей не желает. И никогда не желала. И еще... почувствовала, как немного кольнула зависть – этот кудрявый пацан мог быть ее внуком.

Нет, Вадик прав – торопиться в этом вопросе точно не надо. Не надо на затуманенную голову, не надо на голову ошалелую – все так. Но и затягивать с этим делом, знаете ли, не стоит.

Впрочем, с Генашей они поженились, будучи людьми зрелыми и опытными, и именно потому и оценили друг друга.

Но опасения, даже страх оставались. А вдруг? Вдруг их единственный сын останется в холостяках и они никогда не дождутся внуков?

Две долгие связи сына после страстной любви и странного расставания с Маришей были понятны и объяснимы – первая с чудесной девушкой Нелли, красавицей и умницей, племянницей их приятелей. Потом связь с Нателлой, женщиной замечательной, но разведенной и имеющей ребенка, а самое главное – на пять лет старше Вадима. Эти романы ни к чему не привели.

Вера и Геннадий Павлович очень надеялись – да что там, были почти уверены, – что роман с Нелли окончится браком. Вера тайком разглядывала каталоги со свадебными платьями, прикидывая, какое подойдет Нелли лучше. Вадим был влюблен, это было видно. Нелли, искренняя, открытая, в выражениях эмоций не стесняющаяся, смотрела на него глазами, полными восхищения и любви. Нет, даже не так, не любви – обожания.

И вдруг все закончилось. Оборвалось вмиг, никто не успел ничего понять. Нелли и Вадим поехали на горнолыжный курорт. Долго мечтали об этом, готовились: купили новые, яркие, оранжево-синие, одинаковые костюмы и шапочки, Нелли, как лыжник неопытный, волновалась и нервничала, то и дело теребила невозмутимого Вадика, задавала ему кучу вопросов.

Десять дней они провели в Шамони – зимняя сказка, очаровывающие виды. Ежедневно присылали фотографии: рты у обоих до ушей, сияющие глаза, все в обнимку, вприлипку – идиллия.

И все, конец. После приезда они, кажется, больше не общались.

На робкий Верин вопрос, что случилось, сын скривился:

– Мама, прости. Есть вещи, о которых не говорят даже самым близким.

Все, точка. Больше вопросов Вера не задавала. Но неизвестность мучила и угнетала. Решилась позвонить несостоявшейся невестке – были они, как ни крути, в дружеских отношениях, и Вера принимала ее как дорогого гостя и близкого человека.

Долго собиралась с духом, волновалась, как ее поступок воспримет взрослый сын. Не дай бог испортить с ним отношения. Потерять доверие Вадима было для нее самым страшным. И все-таки решилась.

Нелли ответила легко и бодро:

– А, это вы, Вера Андреевна! Как поживаете?

Смущенная ее доброжелательностью, Вера пробормотала что-то невнятное и тут же попросила о встрече – голос ее звучал жалко, просительно. Нелепо прозвучали и банальные слова: «Я старше и опытнее, думаю, ты с этим согласна! Может, я тебе помогу?»

Нелли сухо извинилась: дескать, очень занята, совещание. Обещала перезвонить.

Но не перезвонила. А когда Вера решилась еще раз набрать ее номер, телефон был заблокирован. Вера поняла, что ее внесли в черный список.

Караулить ее у работы или у дома? Глупости. Вера взрослая женщина и, в конце концов, ни в чем не виновата перед этой соплюшкой. Обида и унижение были сильными. Но с мужем не поделилась – у того был странный и тяжелый комплекс: не дай бог, чтобы Вера попала в унижительную ситуацию, чтобы ее обидели, посягнули на ее достоинство, в чем-то незаслуженно обвинили. Стрельцов считал, что его обожаемую жену в жизни и так достаточно унижали и обижали. Да, собственно, так оно и было. И то, что из трепетной, наивной и светлой девочки Вера превратилась в Снежную королеву, спокойную и рассудительную, деловитую и разумную, достойно и без истерик принимающую удары судьбы, – результат негативного жизненного опыта, увы.

Сыну она о разговоре с его бывшей невестой тоже ничего не сказала.

А после двухнедельной бессонницы приказала себе все это забыть – как не было. В конце концов, очередная девочка, сколько их было и сколько будет! И черт с ней.

А через некоторое время узнала, в чем дело. Сплетни дошли. Еще бы – ведь вагон общих знакомых.

Нелли поставила жесткие условия – свадьба через три, максимум пять месяцев. Вадим жениться не собирался, точнее, еще не собрался. В этом деле он был тугодумом. А Нелли настаивала.

Он убеждал ее подождать, хотя бы год-полтора, на работе тогда было сложно, тяжелый контракт с китайцами, огромный проект, требующий невероятных усилий. Вадик и муж мотались в Пекин и, сменяя друг друга, застревали там на

полгода.

Нашла коса на камень. Начались скандалы и взаимные претензии. А Вадик этого не переносил, равно как и давления на себя. Понял, что если уступит, то милая, хрупкая Нелли сотрет его в порошок.

Узнав правду, Вера успокоилась и оправдала сына. Все правильно. Нежная фиалка Нелли оказалась акулой, это подтвердили и некоторые знакомые.

Нателла появилась спустя год. Поначалу сын ее скрывал, не показывал. Заинтригованная, Вера пыталась получить хоть какую-то информацию – в конце концов, круг был достаточно узок.

Ну и получила. Разведенная женщина, старше ее сына, дочке пять лет. Красавица, умница, из хорошей семьи. С мужем не сложилось, бывает.

Вера молчала. Самое главное – Вадик окончательно пришел в себя после разрыва с Нелли и даже, похоже, влюбился.

Но женитьба? Нет, ребенок тут ни при чем, Вера сама вышла замуж с сыном на руках. Ребенок не может быть помехой. Но Вадик – и нужно в этом признаться – совсем не похож на Гену. И вряд ли он примет чужого ребенка так, как принял его самого Геннадий Павлович. Да и вообще – к чему лишние проблемы? Вадим молодой, успешный, все, как говорится, при нем. А тут женщина старше, да еще и с ребенком. Да неужели же не нашлось более юных и свободных от всяких оков?

Вере было стыдно за пошлые, мещанские мысли, с ее-то собственной историей. Но мысли были, были. Что поделаешь – мать.

Однако того, чего она так опасалась, не случилось – спустя три года сын с Нателлой расстался.

Нельзя сказать, что Вера облегченно выдохнула, вовсе нет. Они с избранницей сына давно познакомились и даже вполне подружились. Женщиной она была тонкой и мягкой, а дочка ее, прелестная, черноглазая, умненькая и воспитанная, была Вере очень симпатична.

Но нет, не сложилось у них с Вадимом. И снова вопрос – почему?

Звонить Нателле, взрослой женщине, проводить дознание было совсем уж неловко. А сын, как всегда, ничего не объяснил:

– Да, расстались. А что в этом такого?

На Верино возмущенное «Как же так, я же к ним привыкла!» ответил почти грубо: «Значит, отвыкнешь».

Вера обиделась, даже оскорбилась, и с сыном не разговаривала несколько дней.

Утешил муж:

– Ну и слава богу! Мало девиц? Ничего, не волнуйся, через месяц будет другая!

Ну нет, все-таки это не про ее Вадика. Ни ловеласом, ни бонвиваном, ни банальным бабником он не был.

И все-таки – почему? Почему снова не сложилось?

Вера опять страдала, горячо мечтала о внуках, осторожно намекала сыну, что давно пора жениться и наконец устроить личную жизнь. Перевалит за сорок – все, конец. Старый холостяк – это диагноз.

На Верин вопрос «почему?» ответил коротко и внятно:

– Мамуль, когда решусь жениться, сразу к тебе, пред твои мудрые очи! А так – да зачем, сама рассуди. И вам с папой напряг, и нам ни к чему.

Не возразишь – разумно. Но как-то слишком разумно, не так ли?

Однако дождалась, слава богу! Дождались! Сынок их сподобился! И свадьба была назначена, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Правда, от будущей невестки Вера в восторге не была. «Но и это дело обычное, – балагурил Генаша. – Покажи мне свекровь, довольную своей невесткой».

Вера Андреевна раздраженно отмахивалась.

Говорить об этом с мужем не хотелось, да и ни к чему. Вот в этом он ее не поддерживал. И обсуждать это с Тамаркой не очень хотелось, хотя эту животрепещущую тему подруга бы с радостью подхватила. Ух, здесь Томка бы разошлась! Оставалась Евгеша. Но она молчунья, лишних и ненужных комментариев не дает, нигде и ничем не обмолвится, верный человек.

На разумный вопрос Евгеша, а что в девушке не так, Вера Андреевна ответила туманно:

– Не знаю. Но чую сердцем. – И тут же растерянно и торопливо добавила: – А может, я не права. – Она тяжело присела, достала сигарету. – Материнское сердце вещун, – произнесла она задумчиво.

Вере от этих слов стало только горше и тяжелее. Может, она все придумала от безделья?

И тут сын объявил, что появится в доме с невестой, уже, так сказать, официальной, и взволнованная Вера принялась тщательно продумывать, как принять важную гостью, что подать на стол, что надеть к торжественному дню.

Три дня готовились. Евгеша выискивала рецепты изысканных, неизбитых закусок – ну разве удивишь современную молодежь салатом оливье или селедкой под шубой? Да и не едят они сейчас майонез и прочие «гадости».

Колдовали два дня – салат с креветками и авокадо, салатные листья с натертым рокфором и ананасами, моцарелла с базиликом под темным соусом, баклажаны с кедровыми орешками. На горячее было решено подать утиные грудки с апельсином.

Две ночи Вера не спала. И вот настал час икс.

Она надела красивое платье и туфли, накрутилась и села в кресло. Волнение было такое, что сама удивлялась.

Сын с невестой должны были явиться в восемь. А появились в полдесятого. И даже спокойный, уравновешенный Геннадий Павлович, злой как черт, мотался по комнате и побрякивал, что было высшей степенью раздражения.

Телефон сына был вне зоны действия сети.

Вера, уставившись в одну точку, с идеально прямой, напряженной спиной, сидела как мумия.

А бедная Евгеша страдала над подсохшими и опавшими салатами и курила одну за одной.

Но вот молодые явились. На пороге стояли их счастливый, улыбающийся во весь рот сын и молодая женщина в простых голубоватых джинсах с прорезами, в простенькой маечке с открытой спиной и кроссовках на босу ногу. Была она довольно милой, даже красивой: высокие острые скулы, широкие темные брови, глубоко посаженные черные глаза, широковатый короткий нос и большой, «буратиный», рот. Такие лица сейчас были в моде. Хороши были волосы – густые, прямые, блестящие, чернильно-черного, в синеву, цвета.

Увидев расстроенных и обиженных родителей, Вадим нахмурился и скупно извинился.

Протянув Вере руку, девушка представилась:

– Лидия.

И на Верино сухое «очень приятно» удивленно вскинула брови и с немим вопросом посмотрела на жениха: «Разве мы провинились? Лично я ничего не заметила!»

Конечно, в такой ситуации Вера и не подумала обнять будущую невестку и сказать ласковые слова, заученные накануне. Вот еще! Не тот был характер у Веры Андреевны.

Чуть позже она с трудом нацепила нечто похожее на улыбку.

Геннадий Павлович смотрел на сына с укоризной и покачивал головой.

– Ну разве так можно, ведь взрослые люди, – не удержался он. – Ну неужели нельзя было проверить телефон? Три часа вас не было в зоне доступа. И что нам думать, как ты считаешь?

Оправдывался Вадим, Лидия молчала и по-прежнему смотрела на все с недоумением и, кажется, уже с раздражением.

Вера пошла на кухню к Евгеше. Хотелось разреветься, выплакаться, вылить обиду.

Но Евгеша быстро ее приструнила:

– Всё, хорош! От любви совсем крышу снесло нашему мальчику. Всё, всё. Всем успокоиться, улыбнуться и к столу. Выпить по рюмке, потом по второй – и увидишь, все расслабятся и всё встанет на свои места. Марш в столовую! Ну а я понесу закуски. Впрочем, – пробормотала она, – это уже не закуски, а говно.

Получилось все так, как советовала мудрая Евгеша – после первых двух рюмок напряжение спало, беседа кое-как потекла, и все вроде стало налаживаться.

Только вот гости отказались от еды – перекусили в загородном ресторанчике неподалеку от дома Стрельцовых.

– Как же так? – возмутилась Вера. – Вы же знали, что мы вас ждем.

– Лидия проголодалась, – коротко и раздраженно бросил сын. – Мы долго гуляли по лесу. Мам, а что здесь удивительного? И вообще, ты бы порадовалась. Мы так редко бываем на воздухе, а тут бродили по лесу аж пару часов! – Но в голосе его не было оправдательных ноток – только раздражение и досада.

После этих слов у Веры Андреевны полезли глаза на лоб. Она посмотрела на мужа, ища у него защиты. Но Геннадий Павлович взгляд ее не поймал – точнее, отвел свой. «И ты, Брут», – с досадой подумала она.

А будущая невестка и не подумала извиниться. Вера перехватила ее удивленный и недоумевающий взгляд – что это за насилие, что за претензии? Ах, ну да, все понятно – ее будущая свекровь еще какая цаца! Бывшая красавица, богачка с прислугой, избалованная любовью мужа и послушностью сына.

«Ну-ну, дорогая Вера Андреевна, – читала Вера в ее глазах. – Власть переменялась. Или вы не заметили?»

Все она заметила, все! И раздражение сына, и его «забывчивость» – никогда раньше он не опаздывал к семейному ужину. А этот легкомысленный наряд, эти дырявые портки, эта полуголая майка? Вся эта нарочитая небрежность, пренебрежение? А она-то готовилась, ночей не спала! И платье это дурацкое надела, и туфли! И эти подвявшие салаты, и засохшая, никому не нужная утка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Г. Шпаликов.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/drugaya-vera>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)